

М. С. Бутинова

**МАТЕРИАЛЫ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
О РЕЛИГИИ НАРОДОВ ОКЕАНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИЕВЕДЕНИЯ**

Н. Н. Миклухо-Маклай во время своих путешествий собрал большой и чрезвычайно ценный материал по этнографии народов Океании. В его научных статьях, дневниках, заметках, письмах содержатся сведения о материальной культуре островитян, их образе жизни, социальном строе, искусстве, различных обычаях. Среди этих материалов описание религиозных верований океанийцев занимает сравнительно скромное место, хотя программа исследований русского путешественника включала изучение и этой области их культуры¹.

Объясняется это большими трудностями, с которыми приходится сталкиваться исследователю при изучении религии; последнее требует, как известно, длительного пребывания в одной местности и тесного контакта с изучаемым народом. Такие условия Миклухо-Маклай имел лишь на Новой Гвинее, на Берегу Маклая, где он прожил в целом около двух с половиной лет. Его пребывание на других островах Меланезии, а особенно в Полинезии и Микронезии, было довольно кратковременным и не дало ему возможности детально изучить религию народов этих областей.

Препятствием служило и недостаточно глубокое знание языка изучаемых народов. Миклухо-Маклай сам признавал это даже в отношении папуасов Берега Маклая, язык которых он знал сравнительно хорошо. «Я откровенно сознаюсь,— писал он,— что мое продолжительное пребывание между туземцами берега Маклая—главным образом вследствие далеко для этой цели нехватящего знания языка—было недостаточно для того, чтобы достигнуть вполне удовлетворительного понимания миросозерцания и примитивной формы так называемых религиозных идей папуасов»². Ученый сетует, что не всегда его вопросы были достаточно понятны островитянам, особенно когда речь шла о таких отвлеченных понятиях, как сон, видение, дух, божество и др.

Несмотря на все трудности, Миклухо-Маклаю удалось собрать интересные данные о многих религиозных представлениях и обрядах народов Океании. В большинстве случаев это отдельные конкретные факты, которые он лично наблюдал. Необходимо отметить исключительную строгость и требовательность, которую проявлял исследователь при сборе фактического материала. Его неизменный принцип—«видеть все собственными глазами». К сведениям, полученным от миссионеров, торговцев и др., он относился крайне недоверчиво и даже рассказы островитян об их обычаях не считал достаточно надежным источником информации. Все собранные сведения подвергались им тщательной про-

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 11—14, 22.

² Там же, стр. 450.

верке, поэтому их достоверность не вызывает никаких сомнений. Излагая факты, ученый, как правило, воздерживался от широких обобщений и выводов. Он считал, что его данных недостаточно для построения научных концепций, что без широкой фактической основы выводы окажутся слишком поспешными и могут только помешать дальнейшему научному исследованию³.

У народов Океании Миклухо-Маклай зафиксировал широкое распространение магических представлений и обрядов. Значительное место среди них занимали обряды вредоносной магии. Ученый отмечает, что на Новой Гвинее и во всей Меланезии коренное население не верило в естественную смерть, а считало ее следствием колдовства врагов⁴. То же относится и почти ко всем случаям болезни.

Вера во вредоносную магию во многом определяла поведение островитян, их обычаи. На Новой Гвинее русский путешественник много раз наблюдал чрезвычайно бережное обращение папуасов с остатками еды, волосами и др. Люди заботились, чтобы эти предметы не попали в чужие руки и над ними не было совершено колдовство. Известно, с какими трудностями ученый собирал коллекцию папуасских волос; страх островитян отдать волосы он победил в конце концов тем, что предложил им в обмен свои собственные⁵. Сопровождавшие путешественника проводники боялись оставаться на ночь в чужой деревне, опасаясь, как бы ее жители не отрезали у них во время сна волосы для совершения обряда колдовства⁶. На больших празднествах, когда каждому из приглашенных преподносилось солидное угощение, остатки несъеденных блюд гости завертывали в листья и уносили с собой. Во время одного из путешествий проводник Миклухо-Маклая тщательно собрал все остатки завтрака, обвязал их лианой и бросил далеко в море («чтобы дурные люди, — объяснил он, — найдя наши объедки, не заговорили их и не причинили нам вреда»⁷). Часто случалось, что Миклухо-Маклай не съедал на празднествах свою долю угощения; остатки всегда давали ему с собой, а если он не брал — относили в его хижину. Беззаботность самого путешественника, оставлявшего остатки еды в малознакомых деревнях или просто бросавшего их на землю, крайне удивляла островитян и казалась им очень рискованной; в их глазах это было лишним подтверждением, что поселившийся среди них «тамо русс» — существо сверхъестественное⁸.

Страх коренного населения перед вредоносной магией в значительной степени затруднял ученому его антропологические исследования, в частности антропометрические измерения, писание портретов и др. О жителях островов Адмиралтейства он сообщает, что они «видят даже в самом мелочном действии, произведенном над их особой, какое-то волшебство, навлекающее опасность»⁹. Миклухо-Маклаю далеко не всегда, например, удавалось измерить здесь головы женщин; часто он вынужден был прибегать для этого к различным ухищрениям¹⁰. Во всех областях, где он был, островитяне немедленно убегали, стоило ему взяться за карандаш для написания портретов. Так, при посещении берега Папуа-Ковиай он не смог сделать ни одного портрета. У папуасов, как отмечает Миклухо-Маклай, было широко распространено поверье, будто написание портрета влечет за собой смерть¹¹. Правда, русский путе-

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 450.

⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1950, стр. 506.

⁵ Там же, т. I, М.—Л., 1950, стр. 128, 129.

⁶ Там же, т. II, стр. 346, 347; т. III, ч. 1, стр. 461 и др.

⁷ Там же, стр. 345, 346.

⁸ Там же, т. III, ч. 1, стр. 461.

⁹ Там же, т. II, стр. 267.

¹⁰ Там же, стр. 268, 292.

¹¹ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

шественик своим неизменным тактом и доброжелательностью постепенно завоевал полное доверие коренного населения, и ему удалось сделать множество великолепных портретных зарисовок, представляющих большой интерес для антропологической науки.

Материалы русского исследователя позволяют глубже понять социальные корни вредоносной магии. Они кроются, как убедительно показал С. А. Токарев, главным образом в межплеменной розни, в межплеменной отчужденности, которая характерна для народов, стоящих на данном уровне развития¹². Условия жизни коренного населения Океании — географическая изолированность отдельных этнических групп, необычайная лингвистическая раздробленность даже в пределах одного острова, например Новой Гвинеи, слабые контакты между племенами прибрежных и внутренних районов большинства островов — все это являлось благоприятной основой для развития веры во вредоносную магию.

В свою очередь взаимные подозрения в колдовстве порождали напряженность в отношениях между общинами, усиливали отчужденность и часто вели к военным столкновениям. Миклухо-Маклаю неоднократно приходилось не только наблюдать подобные стычки, но и предотвращать их силой своего влияния. Так, например, ему удалось предотвратить нападение жителей прибрежной деревни Горенду на обитателей горной деревни Теньгум-Мана. Поводом для готовившегося нападения послужило подозрение в колдовстве: в Горенду неожиданно заболел и вскоре умер молодой и крепкий мужчина Вангум, а через несколько дней — его младший брат Туи, которого ужалила змея. Все жители деревни были крайне возбуждены; никто не сомневался, что причиной несчастья было колдовство людей из Теньгум-Мана. Мужчины начали готовить оружие, женщины — запасы провизии. Миклухо-Маклай уговорил их отказаться от этого похода. Но страх людей перед колдовством был так велик, что жители Горенду решили покинуть свою деревню. Через несколько лет, приехав сюда снова, путешественник нашел ее почти пустой.

Военные стычки на почве подозрений в колдовстве отмечены Миклухо-Маклаем и на островах Адмиралтейства. Во время посещения им островка Андра там умер старый меланезиец Панги. И хотя возраст умершего был достаточно преклонным, большинство мужчин, усмотрев в этой смерти проявление колдовства, предприняло военный поход на деревню Рембат. Даже женщины не остались безучастными к происходящим событиям: они поймали у колодца и избили жен своих односельчан, которые были родом из деревни Рембат. Только решительное вмешательство Миклухо-Маклая положило конец этой безжалостной экзекуции¹³.

Миклухо-Маклай подчеркивал, что военные столкновения, носившие часто продолжительный, затяжной характер, поддерживали между общинами постоянное напряжение, надолго прерывали между ними всякие сношения и приносили людям немало бедствий¹⁴. Посетив на Новой Гвинее берег Ковиай, путешественник не нашел здесь ни одной населенной деревни. Набеги малайцев и постоянные междоусобицы с жителями горных районов вынудили прибрежных папуасов бросить свои хижины, плантации и превратиться в кочевников¹⁵. Подобного рода факты, собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем, используются некоторыми исследователями для доказательства того, что войны уже в первобытном обществе были одной из социальных причин существования религии.

¹² С. А. Токарев, Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 83, 88 и др.

¹³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 506, 507.

¹⁴ Там же, стр. 377.

¹⁵ Там же, стр. 657.

гии¹⁶. Действительно, войны оказывали пагубное воздействие на первобытные общины: они подвергали опасности не только жизнь людей, но и плоды их труда, разобщали человеческие коллективы и тем усугубляли бессилие людей перед природой. Войны способствовали поддержанию религиозных представлений, а религия, точнее, вера во вредоносную магию, служила в свою очередь поводом для военных стычек.

Войны оказывали влияние и на психологическое состояние первобытных общин. Сама военная обстановка, ежеминутное ожидание нападения, держали людей в период войны в постоянном страхе, напряжении. О тех же папуасах берега Ковнай Миклухо-Маклай пишет «Страх перед неожиданными нападениями со стороны соседних племен, которые не щадят ни женщин, ни детей и убивают или обращают в рабство всех захваченных ими, заставляет туземца Папуа-Ковнай кочевать в маленьком прау со своей семьей и имуществом, пробираясь из одного потайного места в другое, терпя голод и в постоянной тревоге»¹⁷. Чувство постоянной тревоги, как считает Миклухо-Маклай, было вполне обоснованным, так как за два месяца его пребывания здесь на жителей побережья было совершено три опустошительных набега¹⁸. Чувства страха, тревоги, неуверенности, по мнению религиоведов, составляют эмоциональные корни возникновения и существования религии. Исследуя вопрос о корнях религии, советские ученые опираются и на материалы Н. Н. Миклухо-Маклая¹⁹.

Миклухо-Маклай наблюдал у папуасов магические обряды, имевшие целью воздействовать на погоду. На Берегу Маклая он видел обряд заговаривания дождя. Дождь шел несколько дней не переставая и грозил размыть тщательно возделанные плантации местных жителей. Один из них взял кусок корня «ли»; бормоча заклинания, разжевал его, затем кусочек корня завернул в лист и бросил в огонь, а остальное, выйдя из хижины и продолжая что-то говорить, выплюнул поочередно на четыре стороны света²⁰. Интересно, что перед этим папуасы настойчиво упрашивали ученого прекратить дождь; когда он заявил, что сделать этого не может, ему не поверили и упрекали в том, что он не хочет²¹. На южном побережье Новой Гвинеи ему довелось видеть обряд заговаривания грозы²², а на острове Били-Били — обряд заговаривания ветра²³. И эта категория магических обрядов чрезвычайно важна для понимания причин возникновения и существования религии. Если обряды вредоносной магии, как уже говорилось, возникают на почве разобщенности отдельных этнических групп и общин, то корни магии погоды, как и любой производственной магии, следует искать в условиях экономической жизни людей. Население Океании, как известно, занималось земледелием и рыболовством. Урожай большинства сельскохозяйственных культур и успех рыбной ловли в значительной степени зависели от погоды. Постоянная зависимость от природы объясняет существование на этой стадии развития соответствующих магических обрядов.

Характерно, что источником магической силы чаще всего считался какой-либо материальный предмет. Папуасы верили, например, что болезнь и смерть можно причинить не только через остатки еды, волосы, части одежды и пр., которые для этой цели необходимо заговорить и сжечь, но и через любой предмет, если его заговорить и зарыть в землю вблизи от жертвы. Заговоренный предмет носил у них название

¹⁶ А. Д. Сухов, *Философские проблемы происхождения религии*, М., 1967, стр. 72.

¹⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собр. соч.*, т. III, ч. 1, стр. 203.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Д. Сухов, *Указ. раб.*, стр. 78.

²⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собр. соч.*, т. III, ч. 1, стр. 104, 105.

²¹ Там же, стр. 452.

²² Там же, т. II, стр. 69, 70.

²³ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

«оним». Считалось, что он может причинять вред не только людям, но даже деревьям, растениям. В деревне Горенду, после смерти Вангума и Туя, папуасы жаловались Миклухо-Маклаю: «Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у них стали красные, и они все умрут. Мана тамо (горные жители.— М. Б.) зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают»²⁴. Жители соседней деревни Бонгу также объясняли плохой урожае таро на своих полях тем, что один из их односельчан сделал для этого специальный «оним»²⁵.

Всякого рода лекарства папуасы называли тоже «оним», так как лекарствам приписывалось магическое действие. Это естественно: считая причиной болезни магию, люди видели в ней и главное средство лечения. Миклухо-Маклай приводит случай, свидетелем которого он был: к Саулу, жителю деревни Бонгу, пришел из соседнего селения Бугаи за лекарством для своей жены, больной лихорадкой. Пришедший отдал Саулу сахарный тростник, принесенный с собой. Саул, взяв тростник, отошел в сторону, что-то долго над ним шептал, а затем завернул в лист и передал Бугаю, который довольный отправился домой. Саул объяснил ученому, что это был «оним» (лекарство) для жены Бугая и что завтра же она выздоровеет²⁶. Термин «оним» аборигены употребляли и по отношению к лекарствам, полученным от Миклухо-Маклая. Долгое время они относились к его медицинским препаратам крайне недоверчиво, опасаясь их дурного воздействия. Прошло немало времени, прежде чем папуасы настолько прониклись доверием к русскому путешественнику, что стали охотно принимать от него медицинскую помощь.

Материальные предметы выступали у островитян и в качестве средств магической защиты — оберегов. Миклухо-Маклай сообщает, что во время путешествия в горную деревню Теньгум-Мана один из его проводников принял следующие меры предосторожности: он сломал ветку дерева, отойдя в сторону, долго над ней что-то шептал, а затем ударил ею несколько раз каждого участника похода; одновременно он выплевывал всем на спины кусочек разжеванного растения «муя». Закончив обряд, он удалился в лес и спрятал ветку в кустах, чтобы ее никто не нашел. На вопрос ученого о цели проделанных манипуляций проводник ответил: «...это сохранит нас от всякой измены и опасности в Теньгум-Мана»²⁷. В другой раз, отправляясь в деревню Энглам-Мана, папуасы в присутствии Миклухо-Маклая стали обмахивать себе шею, спину и ноги зеленой веткой, все время что-то нашептывая. Они объяснили, что делают это, чтобы поход был удачным; дорога длинная и для нее нужны хорошие ноги²⁸. Перед входом в хижину, чтобы предохранить ее обитателей от несчастья, папуасы вешали три кости казуара, связанные лианой. Участники праздника в деревне Бонгу в качестве амулета употребляли лист растения, так называемый «мандюри»²⁹. В одной из записных книжек Миклухо-Маклая имеется рисунок этого оберега. По-видимому, любой предмет, наделявшийся магическими свойствами, назывался у папуасов «оним». Обобщая свои материалы, ученый пишет о слепой вере людей «в силу «оним», который может заставить дождь не литься, ветер перестать дуть, растения гибнуть; «оним», служащий причиной болезни и смерти людей, а также в других случаях предохраняющий людей от опасности, измены, предоставляющий им хороший улов, хороший прием в соседней деревне или любезности девушек или женщин»³⁰.

²⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, стр. 379.

²⁵ Там же, т. III, ч. 1, стр. 105.

²⁶ Там же, стр. 104, 452.

²⁷ Там же, стр. 102 — 103, 451.

²⁸ Там же, т. I, стр. 266.

²⁹ Там же, т. III, ч. I, стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 453.

Миклухо-Маклай отмечает, что подобные суеверия встречаются на многих островах Меланезии, причем всюду понятие «оним» имеет специальное наименование³¹. Краткость пребывания на других островах Меланезии не позволила ему собрать здесь такой же обширный материал, как на Новой Гвинее. Это было сделано впоследствии миссионером Кодрингтоном, открывшим для науки представления меланезийцев о «мана». «Мана» — сила безличная; она подобно «ониму» может выступать в качестве доброго и злого начала. Но если папуасский «оним» — материальный предмет, наделенный сверхъестественными свойствами, то «мана» — магическая сила, свойственная и предметам, и людям, и духам. Как справедливо отмечает С. А. Токарев, «мана» — это дальнейшее расширение и обобщение той же самой идеи³².

Таким образом, материалы Миклухо-Маклая дают нам возможность видеть раннюю стадию в развитии данной идеи, когда представление о магической силе носит еще вещественный, материальный характер. Конкретные факты, собранные русским путешественником, — лишнее доказательство, что развитие религии шло от конкретных представлений к абстрактным, что на ранних этапах религиозные верования выступают в грубо-чувственной, предметной форме.

Материалы Миклухо-Маклая помогают проследить и постепенное выделение в обществе специальной прослойки колдунов. У папуасов Новой Гвинее такой прослойки, по-видимому, еще не было; ученый не раз наблюдал, как магические действия совершали здесь разные люди, часто даже его проводники во время экскурсий. На некоторых островах Меланезии, по свидетельству путешественника, уже были лица, наделенные способностью причинять людям болезнь и даже смерть. Такой колдун доставал волосы, ногти или остатки еды того человека, которого он хотел околдовать, и начинал медленно их жечь. Видевшие это люди содрогались и говорили шепотом: «Смотри, он жжет «нахак» (то же самое, что «оним». — М. Б.), кто-нибудь заболит»³³. Если кто-то действительно заболел, все были убеждены, что колдун жжет его «нахак». Друг заболевшего трубил в большую раковину — это означало просьбу к колдуну прекратить обряд и обещание подарков. Если болезнь не проходила, значит колдун недоволен подарками и продолжает обряд. И снова звук трубы и новые подарки. Если человек умирал, считалось, что колдун, несмотря на подарки, сжег «нахак» до конца³⁴. Наличие выделившегося сословия колдунов Миклухо-Маклай отметил в Микронезии, на островах Пелау. Роль колдунов в обществе, их влияние на различные дела были здесь так велики, что дали основание ученому назвать религию коренного населения шаманизмом³⁵. Посредников между людьми и сверхъестественным миром жители Пелау называли «калит» и обращались к ним во всех затруднительных случаях: во время болезни, отправляясь в путь или военный поход, желая обеспечить хорошую погоду. Этим лицам приписывалась способность предсказывать будущее, общаться с душами умерших и т. п. Калитами могли быть и мужчины, и женщины. Каждая деревня имела своего калита.

Большой интерес для выяснения генезиса погребального культа и некоторых анимистических верований представляют данные Миклухо-Маклая о похоронных обрядах островитян. У папуасов Берега Маклая о смерти мужчины оповещались жители всех окрестных деревень. Собравшись вместе, они в знак траура обмазывали себя черной краской — «куму»; женщины громко плакали. Вооруженные мужчины раз-

³¹ Там же.

³² См. С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 94.

³³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 460.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 279.

делялись на две партии и имитировали сражение. Папуасы раскрашивали лицо и тело покойного, надевали на него лучшие украшения, рядом оставляли пищу. Иногда уничтожались вещи, принадлежавшие умершему. На похоронах всем присутствующим подносилось обильное угощение, которое не полагалось съесть здесь, а необходимо было унести с собой домой. Тело покойного в согнутом положении помещали в корзину из листьев кокосовой пальмы — «гамбор», ближайšie родственники умершего обвязывали ее лианой или ротангом и подвешивали к верхней балке хижины, в которой он жил. После того как труп окончательно разлагался, его погребали внутри хижины, чаще всего по «барлою» — нарами для спанья³⁶.

В случае смерти женщины или ребенка похоронный ритуал был значительно проще: народу собиралось меньше, не было инсценировки сражения, но эмоциональная напряженность обряда и в этих случаях проявлялась достаточно ярко. Миклухо-Маклай подробно описал похороны жены папуаса Моте из деревни Бонгу, на которых он сам присутствовал³⁷. Покойницу положили сначала на нары; вокруг нее с криками и причитаниями теснились женщины. Площадка перед хижинкой была также заполнена плачущими женщинами. Время от времени сюда подходили группами вооруженные мужчины из соседних деревень; все они были крайне возбуждены, что-то выкрикивали и воинственно жесты кулировали. Муж умершей бегал вокруг, как бы желая напасть на кого-то; в неистовстве он рубил топором крыши хижин, кокосовые пальмы, ломал старый забор. Когда родственники покойной стали увязывать корзину с трупом, плач женщин усилился, сопровождаясь пляской; некоторые стали скрестить и тереть руками гамбор. Придя в деревню на следующий день, Миклухо-Маклай увидел, что гамбор с телом висит в хижине умершей, рядом горят два костра, а все жители деревни выкрашены черной краской «куму».

Большую эмоциональную напряженность отметил русский путешественник и в погребальных обрядах меланезийцев островов Адмиралтейства. На островке Андра похороны старого меланезийца Панги сопровождались криками, плясками, раскрашиванием тела, оглушительными звуками деревянных барабанов. Особенно неистовствовали жены умершего; бросаясь на труп, они теревали его, трясали за плечи, громко рыдали. Старшая из жен, почти без одежды, вымазанная черной краской, бегала с криками по деревне, бросалась с размаху на землю, покрытую острыми кораллами; тело ее было изранено до крови. Обломком коралла она в исступлении била себя по голове, лицу, груди. Миклухо-Маклай, наблюдавший это самоистязание, замечает, что здесь имело место не только непосредственное проявление горя и отчаяния, но и соблюдение обычая³⁸. Подобного рода факты показывают, что в формировании погребального культа, наряду с социальными факторами, большую роль играли эмоциональные моменты. Возможно, первоначально они выступали даже на первый план. Отдельные элементы погребального обряда могли быть первоначально только проявлениями эмоционального состояния³⁹. Соединяясь затем с определенными религиозными идеями и жизненной практикой они составили сложный погребальный ритуал, разные элементы которого уже трудно бывает разграничить.

В только что упомянутом примере погребения на островке Андра тело умершего было, по свидетельству Миклухо-Маклая, тщательно вытерто и окрашено красной краской, лицо и голова выбриты осколками обсидиана, на шею и руки надеты украшения из раковин. Рядом

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 251, 252; т. II, стр. 373—375.

³⁷ Там же, т. II, стр. 347—352.

³⁸ Там же, стр. 502.

³⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 117.

с трупом был разложен костер; огонь горел ночью и на могиле умершего, вырытой у самого входа в его жилище⁴⁰. На Новой Каледонии русский ученый столкнулся с обычаем хоронить покойника в его хижине. Попав однажды в такую хижину, Миклухо-Маклай нашел в ней много разных вещей: большие глиняные горшки, несколько копий, топор, подвешенные к крыше узкие полоски тапы. Сопровождавший его проводник сообщил, что здесь похоронен выдающийся человек; время от времени на месте погребения собираются островитяне и исполняют обряды, сопровождаемые пиршествами⁴¹. У папуасов берега Ковиай путешественник часто встречал заброшенные, полуразвалившиеся хижины, оставленные людьми после смерти одного из членов семьи. В них оставляли покойника вместе с принадлежавшим ему имуществом⁴².

В статье «Антропология и этнология меланезийцев» Миклухо-Маклай пишет о распространенном в разных районах Меланезии обычае сооружать на месте погребения специальные хижины-гробницы. По размерам они почти всегда были меньше обычных хижин, иногда украшались и являлись своего рода памятниками по умершим. В них клали вещи покойного: посуду, одежду и разные мелочи; в некоторых местностях в течение длительного времени (нескольких недель или даже месяцев) на могилу ежедневно приносили и оставляли там пищу⁴³. В той же статье упоминается о существовавшем на Новых Гебридах обычае после смерти мужа лишать жизни его вдову. «Сами вдовы того желают иногда,— пишет Миклухо-Маклай,— и миссионерам не всегда удавалось отклонить долг свой знающую супругу от насильственной смерти, дающей ей возможность сейчас же присоединиться к мужу в другой жизни»⁴⁴.

Дальнейшее развитие погребального культа и связанных с ним анимистических представлений можно проследить на материалах, собранных русским путешественником в Микронезии. Сам ритуал погребения имел здесь много сходных черт с папуасским и меланезийским. Так, на островах Пелау покойника обмывали, надевали на него новую одежду и украшения — ожерелья, серьги; лицо и грудь окрашивали красной краской. Ночью около трупя зажигали костры или факелы; участники церемонии пили напиток из сока кокосовой пальмы, жевали пинанг, курили. Перед погребением главный вождь произносил речь, восхваляющую заслуги покойного; женщины громко плакали⁴⁵. Некоторые моменты обряда уже свидетельствовали о социальном расслоении у микронезийцев: на острове Яп (Каролинский архипелаг) похороны свободных мужчин и вождей сопровождалась воинственными играми, подражавшими схватке; при погребении остальных членов общества этот обряд отсутствовал. Гробницы сооружались из камней, иногда рядом с жильем, и отличались одна от другой в зависимости от пола и общественного положения покойного. Умершим вождям сооружались высокие многоэтажные памятники из камня — типа ступенчатых пирамид. Осмотрев эти гробницы, Миклухо-Маклай отметил их сходство с древними полинезийскими марае о. Таити⁴⁶.

У микронезийцев Пелау русский ученый нашел довольно четкие представления о духах умерших и о загробной жизни. Духи умерших назывались здесь «делеп»; считалось, что их внешность, пол и все черты характера в точности копируют живых людей. Коренное население верило, что спустя несколько дней после похорон делеп может вернуться

⁴⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 502—506.

⁴¹ Там же, стр. 452—453.

⁴² Там же, стр. 42, 70 и др.

⁴³ Там же, т. III, ч. I, стр. 464.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 286, 287.

⁴⁶ Там же, стр. 258.

в дом, где жил умерший, или в те места, которые он посещал. Люди, особенно женщины, очень боялись делеп, так как ночью те способны были тревожить сон живых, душить их и т. п. Согласно поверьям, духов можно не только видеть, но и слышать; они проявляют свое присутствие внезапным треском, щелчками, свистом и разными другими звуками. Местом постоянного пребывания для душ простых людей считался самый южный островок архипелага; там они поют песни, пляшут. Загробный мир для представителей высшего ранга — вождей, калитов и др. — мыслился расположенным где-то на небе⁴⁷. Дифференциация представлений о загробном мире — показатель социального расслоения среди коренного населения.

Важно подчеркнуть, что верования микронезийцев в духов умерших носили весьма конкретный характер: люди полагали, что духи имеют определенную внешность, что их можно видеть и слышать, что в стране мертвых они живут так же, как живые на земле. Духи — это еще не спиритуалистические, бесплотные существа; напротив, они рисуются людям в телесных, чувственных образах. Представления о духах приобретают отвлеченный характер на более поздних этапах развития религии. Изучая процесс развития религиозных верований, эволюцию сверхъестественных образов от конкретных форм к абстрактным, советские ученые привлекают материалы нашего выдающегося соотечественника, в частности и только что приведенные данные о вере микронезийцев в делеп⁴⁸.

У народов Океании Миклухо-Маклай собрал сведения, характеризующие разные стадии развития культа предков. На архипелаге Пелау ему сообщили о почитании некоторых камней, считавшихся у микронезийцев изображениями далеких прародителей. В каждой области почитался свой камень; он имел вид антропоморфного идола, носил определенное имя, ему приносили жертвы. (Так, один из этих камней посещавшие его местные жители натирали маслом.) Описывая религию жителей Пелау, ученый отмечает, что здесь «рядом с шаманизмом мы имеем культ предков, который переходит почти что в почитание идолов»⁴⁹. С камнями, изображавшими предков, у островитян связывались поэтические легенды; Миклухо-Маклай их записал и привел в статью «Путешествие в Западную Микронезию и северную Меланезию»⁵⁰.

Ранняя стадия культа предков существовала, по-видимому, у папуасов и меланезийцев. Русский путешественник обратил внимание на особое почитание, которым окружались здесь умершие. Степень почитания зависела от силы и влияния человека: более пожилые, умудренные опытом мужчины, особенно главы семей, пользовались наибольшим почитанием как при жизни, так и после смерти. В папуасских деревнях Миклухо-Маклаю постоянно приходилось встречать резные изображения человеческих фигур, чаще всего мужских, изредка — женских (в деревне Бонгу они назывались «телумы»). Скульптуры изготовлялись обычно из дерева, иногда из глины; некоторые достигали 1,5—2 м высоты, другие были совсем маленькие; каждый телум имел свое имя. В коллекции Миклухо-Маклая есть несколько телумов; многие из виденных им фигур изображены на его рисунках. Значение телумов, как признает сам ученый, ему не удалось вполне выяснить⁵¹. Их роль окончательно не выяснена и до сих пор. Нам кажется возможным рассматривать эти фигуры как изображения наиболее уважаемых умерших

⁴⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 271, 280, 281.

⁴⁸ См. А. Д. Сухов, Указ. раб., стр. 144, 145.

⁴⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 284.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 102.

членов общества. Так как это были преимущественно главы семей, то в их почитании можно видеть культ предков.

У папуасов и меланезийцев русский путешественник наблюдал обычай сохранять кости и черепа умерших. «На островах Соломоновых,— пишет он,— я нашел целые кладбища, состоявшие из небольших построек, наполненных черепами: их называют «тамбуна». Некоторые заключали в себе только один череп,— то были гробницы начальников; они отличались множеством украшений из раковин, находившихся на и при черепе»⁵². Обследуя погребения на Новой Каледонии, ученый в одном случае не обнаружил рядом со скелетами черепов, а также мелких костей рук и ног; в другом случае череп висел отдельно в корзине под крышей⁵³. В коллекциях МАЭ есть несколько папуасских черепов, привезенных Миклухо-Маклаем с Новой Гвинеи; они тщательно очищены и покрыты орнаментом. У некоторых черепов отсутствуют нижние челюсти, так же как и у многих других, виденных путешественником в папуасских деревнях. Объясняется это обычаем местных жителей носить нижнюю челюсть ближайшего умершего родственника на руке в качестве браслета, что служит знаком памяти о нем.

Труды Миклухо-Маклая являются ценным источником и для изучения таких институтов социальной и религиозной жизни народов Океании, как тайные союзы и празднества. Описания папуасских праздников, например, даны настолько подробно, что читатель как бы присутствует на них⁵⁴. Русский путешественник всегда был желанным гостем на подобных торжествах, что позволило ему неоднократно наблюдать все там происходящее. Праздники («ай») на Берегу Маклая длились часто по нескольку дней, не прерываясь даже ночью. Их проводили на специальной площадке в лесу, куда женщинам и детям доступ был запрещен. Участники «ая» раскрашивали лицо и тело, надевали разнообразные украшения, а иногда и особые головные уборы. Обязательное на любом празднестве угощение раздавал всем, в том числе и гостям, приглашенным из соседних деревень, распорядитель; при этом он называл имя человека и его деревню. Когда среди приглашенных присутствовал Миклухо-Маклай, его вызывали: «Маклай, тамо русс». Каждому гостю пища варилась в отдельном глиняном горшке на длинном помосте, под которым горели костры. Торжество сопровождалось игрой на музыкальных инструментах, носивших тоже название «ай». (Миклухо-Маклай подробно описал все музыкальные инструменты папуасов и привез коллекцию этих предметов, хранящуюся в МАЭ.) На место празднества приносились свежескрашенные «айдоганы» — длинные телумы с несколькими фигурами, вырезанными из одного бревна; они играли большую роль в церемониях. Некоторые празднества, как заметил ученый, связывались у папуасов с полнолунием.

Миклухо-Маклай дал также описание церемоний союза «дук-дук» на Новой Ирландии и Новой Британии⁵⁵. По верованиям меланезийцев, «дук-дук» — это сверхъестественные существа, появляющиеся преимущественно в первый день новолуния. Их ждали на рассвете у морского берега, предварительно удалив из деревни женщин и детей, которым запрещено все это видеть под страхом смерти. «Дук-дук» подплывали на пирогах (духов изображали старики); тела их до колен были закрыты одеждой из листьев, головы украшали большие страшные маски. Сойдя на берег; они начинали пляску, сопровождая ее нечленораздельными звуками. В лесу для них сооружалась хижина, куда приносилось большое количество съестных припасов и различные ценные вещи.

⁵² Там же, стр. 464, 465.

⁵³ Там же, т. II, стр. 452.

⁵⁴ Там же, т. III, ч. I, стр. 106—118, 440—443 и др.

⁵⁵ Там же, стр. 443—446.

Молодые люди, готовившиеся к посвящению в члены союза «дук-дук», подвергались со стороны пришельцев физическим испытаниям — избиванию толстыми отрезками бамбука; при этом посвящаемые должны были скрывать испытываемую ими боль. Все очень боялись «дук-дук»; те могли забрать любые понравившиеся им вещи и даже безнаказанно убить человека. Спустя известное время они незаметно исчезали, а их хижины и костюмы сжигались.

Миклухо-Маклай приводит некоторые сведения и о тайных союзах в Микронезии⁵⁶. Представляют интерес его подробные описания и зарисовки общественных домов (бай-бай — на острове Яп, пай — на островах Пелау), которые служили центрами всей деятельности союзов; в одном из таких домов путешественник некоторое время жил сам. В них исполнялись пляски, хранились предметы культа. Подобные дома он встречал и у папуасов Новой Гвинеи, причем в больших селениях, как, например, в Бонгу, их было несколько. Мужской дом (в Бонгу он назывался «буамбрамра») отличался от жилых хижин своими размерами и устройством: он был значительно больше и выше, не имел передней и задней стен; основную его часть составляла крыша, доходившая почти до земли. В таком доме совершались некоторые церемонии, в нем проводили свободное время взрослые мужчины, здесь принимали гостей. В буамбрамре хранились музыкальные инструменты и другие ритуальные предметы: телумы, черепа умерших, сигнальные барабаны, употреблявшаяся на празднествах посуда. В. Перелешин, служивший в команде корвета «Витязь», в записях путевых впечатлений высказал предположение, что буамбрамры можно считать местными храмами⁵⁷. Подобное предположение отвергает сам Миклухо-Маклай. «...Всякий телум,— пишет он,— пожалуй, даже всякий «оним» могли бы быть названы богами или идолами туземцев. Это так же неверно, как называть, например, всякие общественные хижины туземцев храмами»⁵⁸. Правильнее, нам кажется, видеть в общественных домах островитян, выполнявших одновременно социальные и религиозные функции, прообраз тех будущих святилищ, которые появятся значительно позже и станут исключительно местом отправления религиозного культа.

И наконец, обычай табу. На архипелаге Пелау Миклухо-Маклаю пришлось столкнуться с различными запретами, касавшимися еды: женщине, например, не разрешалось есть определенный вид рыбы; мужчина, добывший недавно голову неприятеля, не мог есть кур. Запреты (они назывались здесь «могуль») распространялись также на некоторые местности, на личность и имущество вождей, калитов и пр. Путешественник подчеркивает, что «могуль» имеет чисто религиозный характер; нарушение его не карается людьми, а влечет за собой, как полагают, болезнь или другое несчастье (в отличие от обычного запрета «плюль», за несоблюдение которого наказывает вождь или член тайного союза)⁵⁹. Большое значение, по данным Миклухо-Маклая, имел этот обычай на острове Яп. Ученый приводит такой факт: здесь строжайше запрещалось убивать угрей, живущих в ручьях и прудах, а также комаров; считалось, что убийство одного из них неминуемо повлечет за собой самые тяжелые несчастья⁶⁰.

Существование многочисленных запретов русских путешественник обнаружил у папуасов (хотя узнать туземное название этого обычая ему так и не удалось — мешало недостаточное знание языка). «Обычай табу,— пишет он,— распространенный в Полинезии и Микронезии..

⁵⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 256—258, 287—289, 292—298.

⁵⁷ Там же, т. I, стр. 365.

⁵⁸ Там же, стр. 465.

⁵⁹ Там же, стр. 285, 286.

⁶⁰ Там же, стр. 254.

встречается также и в Новой Гвинее. Так, например, многие предметы совершенно запрещены женщинам, детям и юношам до обрезания. На известные пиры имеют доступ только взрослые мужского пола; даже до кушаний, приготовленных на месте пира, юноши, женщины и дети не смеют прикасаться; видеть музыкальные инструменты, не только употреблять их, запрещено им; все они должны убежать при звуках этих инструментов; употребление кеу также дозволено одним взрослым мужчинам; известные хижины, где собираются мужчины, известные сборные места в лесу, посвященные пиршествам, также недоступны женщинам и детям... Запрещения редко переступаются. Папуасы уверены, что если они это сделают, то заболеют или умрут»⁶¹. Страх людей нарушить табу был очень велик; в этом ученый убеждался на каждом шагу; например, молодежь, которой запрещалось есть мясо свиньи, отказывалась даже от таро, варившегося вместе со свининой⁶². Этот страх не раз спасал самого путешественника от любопытства островитян: оставляя у них свои вещи, он перевязывал ранец накрест белой ниткой, а уходя из дому, завязывал дверь веревкой и втыкал пальмовую ветвь; подобных мер было достаточно, чтобы никто из папуасов не смел прикоснуться к вещам или войти в хижину⁶³.

* * *

Таким образом, предметом внимания Миклухо-Маклая был широкий круг верований и обрядов народов Океании. Ему удалось собрать интересные сведения о вере этих народов во вредоносную магию, об их погребальных обрядах и анимистических представлениях, о культе предков, празднествах, религиозных запретах. Собранные им факты позволяют глубже проанализировать корни некоторых древнейших обрядов: вредоносной магии, погребального культа и др. Русский ученый, что особенно важно, правильно понял характер первобытной идеологии, взаимосвязанность отдельных ее элементов. «Не должно забывать при этом,— предупреждал он,— что в действительности фазы духовной жизни рас обыкновенно не проявляются в чистых, несмешанных формах, как в теоретических построениях»⁶⁴. Это вполне соответствует современному подходу к изучению религиозных явлений.

Материалы Миклухо-Маклая приобретают тем больший интерес, что ему довелось изучать религию народов, стоявших на разных этапах общественного развития. Это помогает проследить постепенные изменения в религиозных обрядах и представлениях. К тому же культура некоторых племен, например папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее, в его время не была еще затронута внешними влияниями, сохраняла всю свою самобытность. Позже, в условиях европейской колонизации, многие верования и обряды либо деформировались, либо совсем исчезли; часто из страха перед миссионерами коренное население стало их тщательно скрывать.

Труды русского ученого помогают выяснить место религии в жизни изученных им народов. Его описания повседневной жизни островитян показывают, что религиозные верования и обряды отнюдь не играли в ней доминирующей роли, что они отступали на задний план перед такими важными сторонами человеческой жизни, как хозяйство, общественные отношения и др. Люди прибегали к религиозным обрядам лишь в тех случаях, когда происходило нечто необычное, нарушающее привычный порядок вещей: смерть, болезнь, неблагоприятные изменения погоды и пр.

⁶¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 147.

⁶² Там же, т. I, стр. 257, 258.

⁶³ Там же, стр. 294; т. II, стр. 354 и др.

⁶⁴ Там же, т. III, ч. 1, стр. 279.

Материалы Миклухо-Маклая целиком сохранили свое научное значение до настоящего времени. Их широко используют советские ученые — этнографы, философы, исследующие верования первобытных народов, а также общие проблемы происхождения религии и ее ранние формы.

**THE MATERIALS OF N. N. MIKLUKHO-MACLAY
ON THE RELIGIOUS BELIEFS OF THE PEOPLES OF OCEANIA
AND THEIR ROLE IN MODERN RELIGIOUS STUDIES**

In the course of his voyages N. N. Miklukho-Maclay succeeded in collecting interesting data on religious beliefs and rituals among the peoples of Oceania. His diaries, articles and notes contain information on the faith of these peoples in injurious magic, on their funeral rites, animistic notions, on ancestor cults, ceremonies, religious prohibitions, etc. At the time many tribes still conserved all their original culture; this lends particular value to the Russian traveller's data. The facts collected by him permit a more profound analysis of certain ancient rites (injurious magic, funeral cult); they make it possible to trace the gradual evolution in the religious beliefs of peoples who have reached different stages of social development. N. N. Miklukho-Maclay's data have preserved their scientific value up to the present time; they are widely drawn upon by students in research on the religion of primitive peoples as well as on general problems of the origins of religion and its early forms.
